

Гу Сяодун сидел, прижав к себе Догоревшего Фитиля, и грелся на солнышке. На душу снизошёл такой покой, что незаметно для себя он задремал. Ему казалось, он лишь прикрыл глаза на мгновение, но когда разомкнул веки, за окном уже догорал закат, и в багровых лучах сидел один только кречет, держащий в клюве нефритовую заколку.

Гу Сяодун огляделся по сторонам — в комнате никого не было.

— А где Цзиньюй? — спросил он.

Кречет подскочил к нему, вытягивая шею, словно настойчиво предлагал забрать зажатую в клюве заколку из чёрного нефрита.

— У тебя же сейчас слюнки потекут, — рассмеялся Сяодун, погладив птицу по голове.

Он бережно забрал заколку, протёр её и принялся разглядывать со всех сторон.

— Неужели это твой хозяин мне прислал? Какая щедрость... Неужто и правда приготовил подарок?

Догоревший Фитиль звонко клекотал, точно поддакивая. Сяодун улыбнулся и спрятал заколку за пазуху. Выйдя во двор, он наткнулся на Фэнъэня и спросил, куда делся Гу Цзиньюй.

— Четвёртого молодого господина вызвали в Западный сад процветания, — с улыбкой ответил Фэнъэнь. — Он ведь всего два дня как вернулся в Чанло, а сегодня такой важный день. Боюсь, ночью его ждёт бесконечная череда приёмов. Молодой господин, завтра в академии занятия, да и на улице уже темнеет. Не пора ли нам возвращаться?

Гу Сяодун задумчиво почесал кончик носа.

— А от матушки-княгини... никаких известий? Она ничего не велела мне передать?

На лице Фэнъэня отразилось вежливое недоумение.

— Нет, господин. А почему вы спрашиваете?

— А, пустяки, — вздохнул Сяодун и мотнул головой, напустив на себя беспечный вид. — Раз у четвёртого молодого господина дела, пускай себе празднует. Пойдём в академию.

Он торопливо зашагал впереди Фэнъэня. На улице сгущались сумерки, дорога серела в пыли, и

на душу Сяодуна навалилась тяжёлая тоска. Чтобы прогнать уныние, он поспешил переключить мысли на что-нибудь приятное. Прижав ладонь к груди, где лежала заколка, он подумал, что получить подарок на день рождения — это уже великое счастье.

Он думал то о Гу Цзиньюе, то о Су Мине. К тому времени, как они добрались до академии Широкого Благодеяния, тоска так и не рассеялась. Потерев лицо ладонями, Сяодун обернулся к Фэньэню:

— Можно я прогуляюсь один? Пожалуйста, не ходи за мной, мне нужно побыть в тишине.

— В таком случае пусть вас сопровождает маленький слуга, — мягко уступил понимающий Фэньэнь. — Скоро совсем стемнеет, негоже вам плутать в одиночестве.

Гу Сяодун благодарно кивнул. Вернувшись во Двор учеников, он позвал маленького книгоношу и пошёл бродить без цели по вечернему саду.

Он прикинул, что в такой час большинство учеников уже ужинают или отдыхают в своих покоях. Дорожки и впрямь пустовали. Сяодун бездумно слонялся среди построек — главное было не оставаться наедине со своими мыслями.

Он блуждал неприкаянной тенью бог весть сколько времени. Окружающий мир расплывался перед глазами, мрак сгущался, а вместе с ним росла и грызущая тоска. Наконец одиночество окончательно одолело его. Сжав кулаки, он упрямо зашептал про себя:

"Хватит! Пойду к Су Миню. Пусть глупо, пусть нагло заваливаться в такой час — плевать! У меня сегодня день рождения. Хочу посмотреть на прекрасного больного затворника, пусть хоть это утешит мою душу!"

Приняв решение, он потёр ладони и обернулся, чтобы попросить слугу проводить его к бамбуковой обители Су Минья. Но, обернувшись, застыл — позади никого не было.

Судьба занесла Гу Сяодуна в глухой, неосвещённый угол Двора учеников. Местные домики стояли поодаль друг от друга, разделённые живыми изгородями и нагромождениями декоративных камней. Сейчас он оказался на пустыре посреди этого лабиринта — ни души вокруг, только глухая, зловещая темнота.

Сяодун поспешно позвал мальчишку по имени. После нескольких окликов из-за декоративной горки слева донёсся приглушённый звонкий голосок:

— Молодой господин Гу, я здесь! Живот прихватило, мочи не было терпеть, вот и забежал за камни... А как выбирался, расшиб лоб о выступ. Голова жутко раскалывается.

— Ну ты даёшь, — вздохнул Сяодун, поспешив на помощь. — Обопрись о камень и подыши

глубже. Дай-ка я посмотрю твою макушку, не хватало ещё сотрясение получить...

Не успел он сделать и пары шагов, как из-за валуна метнулась тёмная фигура. На его голову, точно силок на зайца, набросили плотный чёрный мешок. Завязки мгновенно затянулись. В глазах Сяодуна померк свет, дыхание перехватило от ужаса. Прежде чем он успел хоть что-то сообразить, его грубо повалили на камни и принялись избивать.

Сзади донёсся издевательский, глумливый смех:

— Ну что, Гу Шаньцин, где твоя былая спесь? Жалкий ублюдок, вздумал зубоскалить в мой адрес?

Руки Сяодуна вывернули за спину, удары сыпались на плечи, лопатки, подколенные сгибы. Но физическая боль была ничем по сравнению с парализующим ужасом от мешка на голове. Эта крошечная тьма в одно мгновение швырнула его назад, в каменный склеп запертой башни его детства. Древний, похороненный на дне души кошмар вырвался наружу. Сяодун перестал чувствовать побои — его накрыла удушающая волна первобытной паники.

Он хрипло, судорожно заглотил воздух. В сознании хаотично замелькали обрывки стёртых воспоминаний из раннего детства, до семи лет: ледяная глубина чана с водой, холодный блеск серебряных игл, вонзающихся в предплечье, смутные, испуганные крики приёмной матери и названного отца... Он снова запер за собой дверь той кошмарной комнаты, полностью потеряв связь с реальностью.

Хулиганы увлечённо наносили удар за ударом, когда из темноты вдруг раздался ледяной окрик:

— Вы что творите?

Зачинщик обернулся, на миг опешил, но тут же подобострастно заулыбался:

— О, братец Гэ! Тоже вышел прогуляться? Да мы так, балуемся от скуки...

Договорить он не успел. Гэ Дунчэнь рванулся вперёд и без лишних слов заехал шутнику кулаком прямо в челюсть. Удар у потомственного воина был сокрушительный. Поняв, что шутки кончились, а силой тягаться с Дунчэнем глупо, остальные четверо подхватили поверженного приятеля подмышки и позорно дезертировали.

Дунчэнь не стал их преследовать. Он вовремя подхватил обмякшее тело Гу Сяодуна, сползавшего по камням. Ощувив, как мелко дрожит этот хрупкий мальчишка, Гэ почувствовал, как болезненно сжалось собственное сердце. Он торопливо сорвал мешок с его головы.

— Сяодун?

Взгляд мальчишки был пустым и блуждающим, лицо отливало мертвенной бледностью, а дыхание вырывалось из груди хриплым свистом. У Дунчэня перехватило дыхание. Он склонился над ним, раз за разом настойчиво повторяя его имя, точно заклинал блуждающую душу вернуться в тело.

Дунчэнь уже собирался подхватить его на руки, когда у Сяодуна сработал на удивление причудливый защитный рефлекс. Внезапно издав воинственный клич, он очнулся и с размаху съездил спасителю по физиономии кулаком, из которого воинственно торчал большой палец.

Хоть кулачок у Сяодуна был крохотным, острый ноготь на пальце сработал не хуже когтя. Дунчэнь едва успел качнуть головой — удар пришёлся по левой щеке, ниже глаза. Кожу мгновенно обожгло резкой болью.

Глухо охнув, Гэ прижал ладонь к щеке, а правой рукой крепко притиснул внезапно ожившего Сяодуна к себе, наваливаясь всем телом, чтобы утихомирить этого буяна.

Несмотря на саднящую боль, Дунчэнь испытал странное облегчение. Он тихо, сквозь зубы рассмеялся:

— Сяодун, это я, твой брат Дунчэнь! Прекрати драться, те подлецы уже сбежали.

Гу Сяодун мгновенно притих. Копошась, он высвободил голову из его объятий и, прикрыв ладонью собственный левый глаз, уставился на спасителя. Они замерли, глядя друг на друга тремя глазами.

Сяодун окончательно пришёл в себя. На его миловидном, покрасневшем от гнева лице отразилась целая гамма чувств. Заметив мягкую улыбку на губах Дунчэня, он немного поостыл.

— Я... не того ударил?

— Именно, — кивнул Дунчэнь, продолжая улыбаться. — Те мерзавцы дали стрекача, как только я подошёл. Ты как, сильно побили?

Сяодун выпутался из его объятий, с досадой пнул валявшийся на земле мешок, после чего подобрал его. Заведя руку за спину, чтобы ощупать ушибленную поясницу, он виновато посмотрел на Гэ:

— Прости, пожалуйста. В голове всё перепуталось, вот и замахнулся не глядя. Не думал, что задену тебя, ты же мастер боевых искусств... Как говорится, уложил мастера случайным ударом.

Дунчэнь усмехнулся шире.

— Твоя правда. И всё же, спина сильно болит?

Пошевелившись, Сяодун почувствовал ноющую боль, но терпеть было можно. Отряхнув рукава, он поспешно поднялся на ноги.

— Пустяки, жить буду. А вот вы, господин Гэ? Зачем глаз прячете? Неужели я угодил прямо в него?

— Всё в порядке, — ответил тот.

Дунчэнь тоже поднялся, по-прежнему плотно прижимая ладонь к левому глазу.

— Я как раз шёл от Юньцзи, его обитель совсем рядом. Давай-ка заглянем к нему, пусть его слуга осмотрит твою спину. Если серьёзных ушибов нет, он и проводит тебя до покоев.

Сяодун сделал пару пробных прыжков на месте. Поясницу тут же прострелило тупой болью, но его куда больше тревожило состояние пострадавшего Дунчэня. Он завертелся юлой у него под левым боком:

— Правда в порядке? Ну покажи, убери руку!

Дунчэнь упрямо качал головой, но Сяодун не унимался. Изловчившись, он мёртвой хваткой вцепился в его левое предплечье, потянул вниз и приподнялся на цыпочки, сиюсь заглянуть ему в лицо.

Увиденное заставило его застыть на месте от изумления.

— Твой... твой левый глаз позеленел!

Сяодун округлил глаза от ужаса.

— Всё, пропал человек! Брат Дунчэнь, я выбил тебе глаз! Был чёрный, стал зелёный... Я точно что-то там внутри повредил! Небеса, какой грех на душу взял, ты же теперь ослепнешь!..

На лбу Дунчэня запульсировала вена. Не выдержав этого потока паники, он просто зажал Сяодуну рот ладонью.

Прикрыв многострадальный левый глаз, он постарался как можно спокойнее объяснить:

— Ничего я не ослепну, прекрати шуметь. Мой глаз цел. Твой кулак просто оцарапал кожу, от резкой боли выступили слёзы, вот он и позеленел.

Сяодун что-то невнятно замычал в его ладонь, недоверчиво захлопав ресницами.

Некоторое время Дунчэнь молча созерцал его физиономию, затем со вздохом зажмурился. Выждав мгновение, он снова разомкнул веки — его глаза, подёрнутые влажной дымкой, на глазах сменили привычный чёрный цвет на удивительный, чистый оттенок молодой листвы.

— Моя мать родом из южных племён, у её народа от природы изумрудные глаза, — вполголоса, отдельно выговаривая каждое слово, объяснил Гэ. — Я тоже родился зеленоглазым. Позже пришлось принимать особое снадобье, чтобы скрыть это и походить на уроженца Срединной равнины. Но если у меня катятся слёзы, маскировка спадает.

Сяодун заворожённо уставился на него. На его глазах в бледном свете луны яркая зелень в зрачках Дунчэня медленно угасала, уступая место обычному тёмному цвету.

Дунчэнь убрал руку от его лица. Напустив на себя серьёзность, он тихо произнёс:

— Мало кто знает о моей тайне. Сегодня вышло недоразумение, так что держи язык за зубами.

Сяодун поспешно закивал:

— Слава богу! А то я уже мысленно похоронил твой глаз. Думал, сделаю тебя одноглазым разбойником.

Дунчэнь с помрачневшим видом развернулся и зашагал прочь. Почувствовав, что задел его за живое, Сяодун засеменил следом, пытаясь разрядить обстановку болтовнёй:

— Спасибо, что выручил. И надо же было кому-то привязаться ко мне в такой час! Налетели гурьбой, шакалы трусливые. Только и умеют, что исподтишка пакостить да в спину бить. Тьфу на них, ничтожные трусы, а не забияки.

Лицо Дунчэня стало ещё мрачнее.

Почесав затылок, Сяодун заговорил тише и мягче:

— И прости за ту затрещину. И за то, что увидел лишнее. Я никому не проговорюсь, честное слово. Но вообще-то... твои настоящие глаза очень красивые. Чистые, как отборный нефрит, и ярче любого хрусталя. Будто звёздочки светятся. Правда, очень красиво.

Дунчэнь резко замер и обернулся:

— А ну-ка повтори, как ты меня назвал?

Сяодун захлопал ресницами:

— Брат Дунчэнь?

На губах Дунчэня заиграла довольная улыбка, и он зашагал веселее:

— Вот так и зови впредь. И забудь это официальное "господин Гэ", договорились? Я тебя спас, но взамен получил тумака. Считай, ты кругом мне должен, Сяодун. Так что изволь больше не дичиться и не бегать от своего названного брата. Согласен?

Сяодун замялся. С одной стороны, Гу Цзиньюй строго-настрого велел ему держаться от этих двоих подальше, с другой — Гэ только что вытащил его из беды. В итоге он лишь смущённо угукнул в ответ.

Дунчэнь негромко рассмеялся:

— Да ладно, я же шучу. Идём скорее к Юньцзи. Удары сыпались так, что аж кости трещали, боюсь, ты с перепугу и боли не заметил.

Видя его искреннее великодушие, Сяодун устыдился своего упрямства ещё сильнее.

Освещаемые серебряным лунным светом, они вскоре добрались до покоев Гуань Юньцзи. Местный слуга растерянно захлопал глазами при виде неожиданных гостей, но не успел он и шага сделать, чтобы доложить о приходе, как Дунчэнь бесцеремонно распахнул дверь.

— Ну что, великий мастер Юньцзи, я вернулся!

Сидевший за столом с книгой Гуань Юньцзи отхлебнул воды из пиалы и, даже не поднимая взгляда, язвительно бросил:

— Почтенный господин Гэ, ты ведь ушёл всего четверть часа назад. Неужто соскучился?

Из-за широкой спины Дунчэня высунулась вихрастая макушка Сяодуна.

— Добрый вечер, братец Гуань.

Юньцзи резко вскинул голову и закашлялся, едва не брызнув водой. Тёплая влага попала не в то горло.

— Ты?! Какого... — Юньцзи задыхался от кашля, тыча пальцем то в одного, то в другого, не в силах вымолвить ни слова.

Дунчэнь, чувствуя себя как дома, поманил слугу и велел увести Сяодуна во внутренние покои, чтобы осмотреть спину. Сяодун виновато покосился на кашляющего хозяина дома:

— С ним точно всё в порядке?

— Не обращай внимания, — отмахнулся Дунчэнь, подталкивая его к ширме. — Он просто подражает Су Миню, в которого по уши влюблён. Вот и чахнет на глазах.

У Сяодуна и Юньцзи одновременно отпали челюсти.

Взбешённый Юньцзи, продолжая надрывно кашлять, рванулся к ним, но Дунчэнь ловко толкнул Сяодуна в комнату и прямо перед носом хозяина захлопнул дверь.

От такой наглости у молодого господина Гуаня едва лицо не перекосило. Мало того что его выставили из собственной спальни, так ему ещё и пришлось прижиматься ухом к косяку, чтобы разобрать хоть слово.

— Распусти только пояс, полностью раздеваться не нужно, — донёсся из-за двери голос Дунчэня.

— На пояснице синяк наливается. Похоже, приложили коленом. Сильно ноет? Всё равно давай мазью притрём.

Спустя пару минут шорох одежды стих, дверь отворилась, и на пороге появился ухмыляющийся Дунчэнь.

— Ну что, господин Гуань, представление окончено?

— Ещё слово, и я отрежу твой поганый язык! — прошипел Юньцзи. Внезапно он прищурился, разглядев отметину на лице приятеля. — погоди, а что у тебя со щекой? Кто это тебя так приложил?

Из-за плеча Дунчэня снова робко показался Сяодун:

— Это... это я случайно. Простите, пожалуйста, что доставил столько хлопот.

Завидев его, Юньцзи мгновенно напустил на себя суровый вид:

— А тебя, плебей, вообще никто не спрашивал!

Дунчэнь негромко рассмеялся и мягко вытянул Сяодуна в залу.

— Ладно вам цапаться. Дело к ночи, пора и честь знать.

Он заботливо напомнил Сяодуну проверить дома ноги на предмет синяков. От этого участия у Сяодуна потеплело на сердце, и когда его легонько подтолкнули к выходу, он вдруг упрямо ухватился за дверной косяк.

— Что такое? — удивился Гэ.

— А можно я побуду у вас ещё немного? — Сяодун умоляюще посмотрел на угрюмого Юньци.
— Мне так не хочется возвращаться к себе. Жутко одиноко... просто поговорить хочется с кем-нибудь.

Сердце Юньци предательски пропустило удар, к щекам прилила кровь, а ладони, наоборот, заledenели. Он уже открыл было рот, чтобы выставить незваного гостя вон, но Дунчэнь опередил его. Широко улыбнувшись, он приобнял Сяодуна за плечи и увлёк обратно в комнату.

— Почему бы и нет? О чём поболтаем? Братец Гуань, не поскупись на гостеприимство. А если тебе претит наше общество, можешь спрятаться в спальне.

Юньци лишился дара речи.

Смерив его яростным взором, он с грохотом опустился на свой стул и с силой шлёпнул ладонью по раскрытой книге, напоминая, кто здесь хозяин.

Дунчэнь усадил Сяодуна прямо напротив Юньци. Поначалу тот сидел скованно, но постепенно неловкость улетучилась.

Он переводил взгляд с одного юноши на другого, забавно крутя указательными пальцами, и глупо, но счастливо улыбался.

Как бы то ни было, в праздничный вечер он оказался не один. И пусть эти двое слыли не самыми приятными собеседниками — к одному и на пушечный выстрел не подобрёшься, другой сам близко не подпустит, — сидеть в тёплой компании у ночного очага было куда лучше, чем увядать в одиночестве.

— Ну, так о чём поболтаем? — Дунчэнь опёрся подбородком о ладонь, с улыбкой глядя на него.
— Неужто испугался этих подонков? Рассказывай всё как есть. Хочешь, чтобы мы их проучили? Только слово скажи.

Юньци неохотно вмешался, расспрашивая о подробностях нападения. Выслушав рассказ, он помрачнел, а лицо его приняло весьма озадаченное выражение.

Он просто не знал, что и думать. Ведь все беды Сяодуна начались именно с подачи Дунчэня. Это Гэ во всеуслышание заявил, что терпеть не может выскочку, и пообещал превратить его жизнь в академии в ад. А теперь сам же строит из себя благородного заступника! Что за нелепый спектакль он разыгрывает?

— Вовсе я не испугался, — беспечно отмахнулся Сяодун. Он склонил голову набок, уставившись на свои пальцы. — Завтра на занятиях я сам вычислю этих умников. Кстати, сегодня же день рождения у четвёртого молодого господина Цзиньюя. Почему вы не у него на празднике?

— Мы поздравили его ещё вчера, — охотно пояснил Дунчэнь. — Он только вернулся в Чанло, сегодня у него весь день расписан по минутам. Зачем зря мешаться? А почему ты спросил? Тоже хотел попасть на приём? Поверь, там жуткая скучища — соберутся одни напыщенные вельможи да важные старики. Тебе бы там не понравилось.

Сяодун понимающе кивнул, немного помолчал и тихонько рассмеялся:

— Что ж, тогда просто пожелаю ему счастливого дня рождения.

Дунчэнь не понял, к чему это было сказано, но тоже улыбнулся:

— Хорошо. Пусть у него всё будет благополучно.

Сяодун просиял. Его настоящее происхождение должно было оставаться в тайне, поэтому и о его собственном дне рождения никто не знал. Но это его не печалило. Они с Гу Цзиньюем были словно свет и тень — единым целым. Слыша чужие поздравления в адрес брата, он чувствовал, будто поздравляют его самого.

Переноса эту радость на себя, он быстро усыпил все свои печали и повеселел.

— Да что с тобой такое, Гу Шаньцин? Чему ты так глупо лыбишься? — не выдержал Юньци, которому надоело оставаться в стороне. — Цзиньюй — благородный господин, какое тебе до него дело? Сидишь тут с таким глупым видом, будто пьяный.

Сяодун аккуратно сложил руки перед собой на столе, наклонившись вперёд, и задорно сощурился:

— А вот и нет! Я ни капли в рот не брал. Мал ещё для вина, так что не пью.

Дунчэнь пододвинулся ближе, заговорщически подмигнув:

— Хочешь попробовать? Я в твои годы уже всюю прикладывался к чарке.

Сяодун не на шутку задумался, взвешивая все за и против. Дунчэнь же продолжал вкрадчиво уговаривать:

— Пусть ты и дальний родственник, но всё же из Клана Гу. Тебе так или иначе придётся научиться держать чарку на пирах. Раз старшие в семье тебя этому не обучили, давай я научу?

То ли ночная прохлада вскружила голову, то ли желание изведать неизведанное взяло верх, а может, просто хотелось заглушить ноющую пустоту в груди... Сяодун помедлил секунду и решительно кивнул.

Сами не заметив как, они превратили письменный стол Юньцзи в пиршественный. На нём появились три крошечные чарки, глиняная жаровня и кувшин со сладким сливовым вином. Три руки сошлись над столом, послышался звонкий стук ободков.

— Докатился... пью в компании какого-то безродного проходимца, — ворчал Юньцзи с брезгливой миной, вертя в пальцах чарку. — Расскажи кому — курам на смех. Слышишь, Гу Шаньцин, чтобы об этой ночи ни одна живая душа не знала. Запри язык на замок, пусть это воспоминание сгниёт у тебя внутри.

— Хорошо-хорошо, — легко согласился захмелевший Сяодун, глупо хихикая. — Только ты неправ, братец Гуань. Если оно сгниёт, как же оно прорастёт?

— Молчать! Тебя не спрашивали!

— Ладно, ладно, молчу-молчу...

— Наш молодой господин вечно задирает нос, не обращай на него внимания, — Дунчэнь придвинул свою чарку к чарке Сяодуна. — Ну как тебе вкус? Хорош ведь?

— Отличное вино, братья! — звонко чокнулся Сяодун. — Сладкое, как мёд!

— Я тебе ещё и не такое покажу, если захочешь. Идёт?

Хмель пробудил в Сяодуне природное лукавство. Он хитро прищурился:

— А кто знает, что там будет, в этом "после"? Сведёт судьба — свидимся, а нет — так и прощайте!

Дунчэнь рассмеялся, пытаясь вывести у него что-нибудь о семье, но Сяодун, несмотря на опьянение, держал рот на замке. Захмелев окончательно, он принялся покачиваться из стороны в сторону и напевать нежный мотив. Мелодия была грустной, протяжной, но из его уст она лилась на удивление легко и беззаботно.

Едва песня стихла, голова Сяодуна безвольно откинулась назад. Юньцзи успел подхватить выскользнувшую из его пальцев чарку, а Дунчэнь, сидевший рядом, ловко перехватил обмякшее тело одной рукой.

Юньцзи бросил мимолётный взгляд на открывшуюся тонкую шею Сяодуна и тут же брезгливо отвернулся.

— Какая слабая порода. Смотри, облюёт тебя сейчас, возись потом.

— Да ну, скажешь тоже, — Дунчэнь осторожно коснулся его подбородка, слегка покачав чужую голову. — Гляди, он даже во сне улыбается. Славный малый.

Юньцзи принялся убирать посуду:

— Ладно, велю слуге отыскать его челядь, пусть забирают это недоразумение. С ума мы сошли, не иначе, раз устроили всё это...

Дунчэнь так и не отпустил Сяодуна. Он заворожённо разглядывал его мочки.

— У него проколоты оба уха. Помнится, твой кузен, второй принц, тоже питает слабость к подобному украшательству.

— Тише ты! Не смей судачить о причудах императорской семьи, пусть даже речь о моём кузене, — шикнул Юньцзи. Впрочем, любопытство взяло верх, и он понизил голос: — Я и сам раньше так думал. Но в прошлом месяце на поминальной трапезе мы разговорились со вторым принцем. Он изрядно захмелел и сболтнул, будто первой уши проколола наследная принцесса, а он лишь перенял эту моду ради забавы...

Договорив, Юньцзи несильно шлёпнул себя по губам:

— Тьфу, язык мой — враг мой. Видать, и меня вино разморило, раз плету невесть что.

— Я ничего не слышал, — заверил его Дунчэнь. — И знать ничего не знаю, спи спокойно.

Юньцзи устало потёр переносицу. Закончив, он хотел было кликнуть слугу, но, подняв взгляд, застыл, словно поражённый громом.

Гэ Дунчэнь, наклонившись, поцеловал спящего Гу Сяодуна.

Юньцзи буквально окаменел. В груди всё оборвалось, а дыхание перехватило от невиданного доселе потрясения.

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Юньци казалось, будто он спит наяву. Он неотрывно, ошарашенно наблюдал, как Дунчэнь одной рукой мягко, но властно придерживает затылок Сяодуна, а другой прижимает его тонкое запястье к краю стола, медленно и с каким-то благоговейным упоением целуя его в губы.

Гу Сяодун — этот вечный егоза, неугомонный, вечно огрызающийся сорванец — сейчас спал так безмятежно и кротко, лишившись своего колючего панциря и источая лишь едва уловимый, нежный аромат.

Дунчэнь долго, не торопясь, упивался этим сладким нектаром.

Прошло ли мгновение или целая вечность, но тишину нарушил резкий треск лопнувшего уголька в жаровне. Опомившись, Юньци густо покраснел от ярости. Он буквально взлетел на стол и яростно растащил хмельных юношей в стороны.

Стараясь не смотреть на спящего Сяодуна и уж тем более на его припухшие губы, Юньци мёртвой хваткой вцепился в воротник Дунчэня и неистово зашептал:

— Ты совсем с дубу рухнул?! Меня вообще за человека не считаешь?! Если приспичило, в Чанло девок полно на любой вкус, катись к ним! Что за непотребство ты тут устроил?!

Дунчэнь тупо, заторможенно захлопал глазами, на секунду явив миру свой истинный, глубокий изумрудный цвет глаз.

Сяодун тем временем накренился и ткнулся лбом в столешницу. Тихонько охнув, он по-детски прижал ладони к ушибленному месту, забавно причмокнул губами во сне и что-то невнятно пробормотал.

Дунчэнь наконец пришёл в себя. Закрыв лицо руками, он судорожно, со свистом втянул ночной воздух.

Юньци брезгливо оттолкнул его, спрыгнул со стола и тоже закрыл лицо ладонями, тяжело дыша от негодования и стыда. В этот миг он больше всего на свете хотел провалиться сквозь землю.